

© 2003 г.

А.К. ДЕГТЯРЕВ, Е.Ю. ЛИТВИНЕНКО

КУРСАНТЫ ВВУЗОВ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

ДЕГТЯРЕВ Александр Константинович - доктор философских наук, профессор Новочеркасского военного института связи. ЛИТВИНЕНКО Елена Юрьевна - доктор социологических наук, профессор того же института.

Результативность осуществляемой в нашей стране военной реформы зависит от степени включенности военнослужащих как группы с социально значимым инновационным потенциалом, диапазоном возможностей вариативного поведения и самостоятельностью социального и профессионального выбора. Особая роль в реформировании Вооруженных Сил (ВС) принадлежит молодежи. Среди кадровых военнослужащих российской армии молодые люди (18-30 лет) составляют 35-40%. Несмотря на массовый отток из ВС молодых офицеров (ежегодно 30—40% выпускников военных вузов меняет профессию), ценностные и поведенческие установки военной молодежи

определяют перспективу социального самочувствия офицерского корпуса в целом, его инновационный потенциал.

Какковы же ценности и жизненные стратегии обучающихся в современных высших военных учебных заведениях? Составить представление о них помогло социологическое исследование, проведенное в Новочеркасском военном институте связи ($N - 290$) в 2002 г. Оно заслуживает внимания по трем обстоятельствам. Во-первых, указанный институт - единственный вуз на юге России, выпускающий специалистов с военным и гражданским профилем. Во-вторых, профессия военного связиста, традиции и престиж дают основания говорить о значимом образовательном статусе курсантов, ориентации их на современный достиженческий тип личности. В-третьих, вуз является модальным по стратификационным критериям (статус родителей, доходы, образование, этнические и территориальные параметры). Поэтому, как представляется, данные нашего исследования могут отражать общие тенденции формирования современных жизненных ценностей молодежи, обучающейся в военных учебных заведениях. Рассмотрим некоторые результаты исследования.

Было установлено, прежде всего, что жизненные стратегии курсантов обнаруживают самостоятельность социальных мотиваций и испытывают влияние латентных структурных ограничений, обусловленных спецификой военно-профессиональной деятельности. В отличие от гражданских сверстников, ориентированных на рыночные модели жизненного пути, рискогенной интеграции в общество, курсанты рассчитывают на предсказуемую социальную карьеру и достижение социальной зрелости, которые связаны с поступлением в военный вуз. Взросление формируется под воздействием режима интенсивной службы, совмещения учебы с выполнением воинских обязанностей, повышенной правовой ответственности.

В литературе отмечается, что жизненные стратегии молодежи связаны с мотивацией, самоопределением, интеграцией в общество на самостоятельных или навязанных условиях [1, с. 52]. Социальная активность курсантов, как известно, регламентируется определенными уставными требованиями, нарушение которых расценивается как социальное отклонение. Большинство респондентов (54,9%) с оптимизмом смотрят в будущее. Стратегия роста воспроизводит модель постепенного восхождения согласно профессиональному стажу, знаниям и опыту военной службы. 18% опрошенных заняли актуалистскую позицию - "живут настоящим", 20% - затруднились ответить.

Не определившиеся и "актуалисты" не идентифицируют себя с социальной ролью военнослужащего, не удовлетворены этими позициями или намечают иную жизненную стратегию. Установка на "неограниченную свободу" негативно влияет на адаптацию молодых людей к условиям военной службы: 62% опрошенных признают трудности привыкания к внешнему контролю и принудительный характер выполнения профессиональных и правовых предписаний. Уверенность же в будущем связывается с "собственными усилиями" (59,3% опрошенных), "поддержкой близких" (29,3%), "помощью государства" (20,4%). Значимость собственных перспектив для респондентов оказывается несравненно выше, чем ориентации на улучшение жизни общества (7%). Как и гражданская молодежь, курсанты индивидуализируют жизненные стратегии, что, с одной стороны, позитивно в отношении самоопределения и повышения личной ответственности, с другой, - демонстрирует отчужденность от общества и государства, неверие в возможность реализации своих социальных и гражданских прав.

Благодаря инновационной деятельности происходит встраивание механизма личного самоопределения в воспроизводство социальных отношений. Однако новизна, новаторство, судя по некоторым социологическим исследованиям, сопряжены с риском инновации и самореализации через индивидуализацию [2, с. 71]. Расхождение с групповыми и общесоциальными поведенческими нормами выдвигает на первый план "удачу" (17% опрошенных) и исключение из жизненных стратегий легитимных практик профессионального роста и служебного конформизма. 42,6% респондентов придерживаются выжидательной позиции, руководствуются ситуативной логикой, что противоре-

чит долгосрочным целям реформирования ВС, перехода к режиму профессиональной военной службы.

В жизненных планах на будущее для большинства курсантов первоочередным является достижение материального благополучия (62,7%). На наш взгляд, потребительская ориентация "блокирует" инновационную деятельность курсантов: в ближайшие годы (2005-2015 гг.) вряд ли будут достигнуты европейские стандарты материального вознаграждения военной службы. Диффузия завышенных ожиданий может стимулировать уход из военной службы или стремление к получению дополнительных доходов, что не лучшим образом сказывается на уровне боевой подготовки. Семейная жизнь (38%) и желание стать высококвалифицированным специалистом (28,9%) занимают вторые позиции. В целом, это совпадает с утверждающимися в социуме тенденциями индивидуализации личной жизни, либерализации ценностных установок, дистанцирования государства от решения социальных проблем военнослужащих. Не может не вызывать беспокойства падение престижа военной службы, фактически исключение из жизненных установок "выполнения профессионального долга" и обязанности "быть полезным обществу" (11%). Нарушение баланса традиционных и современных либеральных ценностей осложняет диалог поколений, передачу жизненного опыта в воспроизводстве института военной службы. Инновации курсантов наталкиваются на детерминированность, связанную с риском. Прежние нормативно-ценностные представления устарели, неэффективны, новые часто нереализуемы в силу неудовлетворительного социально-профессионального статуса военнослужащего. 48% респондентов сослались на возможность перемены планов; 18,3% допускают свертывание жизненных стратегий в связи с ухудшением экономической ситуации в стране, что, не в последнюю очередь, связано с ностальгическим синдромом, тоской по предсказуемому прошлому; 12% заявили, что "от меня мало что зависит". Большинство курсантов преодолели порог нулевого статуса, но структурные преобразования мало поддаются личной рефлексии, вынуждают жить сегодняшним днем.

Инновационность переносится на личные ресурсы, оптимизацию личных усилий по достижению жизненно значимых целей, особенно у "актуалистов" и "не определившихся". 44,7% респондентов одобряют переход на службу по контракту, однако неисполнение завышенных ожиданий может ускорить уход с военной службы и разочарование, социальное аутсайдерство. В процессе реализации постановления Правительства РФ от 30 ноября 1992 г. "О переходе на контрактную службу" выяснилось, что "простая контрактизация далека как от ожиданий стабильной и высокооплачиваемой службы, так и от повышения профессиональной квалификации и качества боевой учебы" [3, с. 527]. 23,3% респондентов считают, что воинская служба "является долгом гражданина". Учитывая эти данные, по нашему мнению, ошибочно противопоставлять контрактную службу службе по призыву, так как это провоцирует напряженность между военнослужащими, разделение на высокооплачиваемых и "обиженных". Теперь ясно, что выполнение планов показателя - 50% контрактизации личного состава к 2000 г. - не было обеспечено ни финансовой, ни нормативно-правовой базой, ни изменениями в штатном расписании.

Курсанты служат по контракту со второго года обучения, и с таким порядком службы они связывают установку на повышение доходов и обеспечение жильем. В целом, служба по контракту видится курсантам с позиции решения боевых задач (30%). Улучшения материального положения ждут 29,3%. Меркантильная мотивация приводит к тому, что 12% респондентов с военной службой связывают исключительно материальные интересы. 28,7% высказывают мнение "поживем - увидим", исходя из негативного опыта прошлых лет. 20% курсантов заявили о своих прагматических предпочтениях: для них военная служба - это профессия, такая же, как и другие. Но среди молодых военнослужащих значительна доля лиц с активной гражданской позицией (18,9%), для которых служба - выполнение гражданского долга. 12,7% руководствовались вынужденным выбором, давлением родителей, невозможностью по материальным соображениям получить высшее гражданское образование, желанием из-

бежать трудностей срочной службы. Как видим, военная служба, в том числе по контракту, привлекает курсантов с разными жизненными стратегиями.

Отвечая на вопросы, связанные со службой по контракту, 26% курсантов отметили также, что она способствует личной инициативе, организованности, самодисциплине, которые недостаточно востребованы службой по призыву. Инновации блокируются, как считают около половины опрошенных, "показухой" (6%), засильем "стариков" (17%), социальным капиталом, блатом (23%). Служба по контракту, несмотря на риски сокращения и бюрократизации в отношениях военнослужащих, в представлении курсантов обеспечивает больший коридор реализации личных интересов, уменьшает неопределенность в профессиональной карьере. 20% респондентов считают, что "ничего не изменится", но очевидным для 65% является более ускоренное продвижение по службе в соответствии с профессиональными критериями, чем при доминирующей сейчас "выслуге лет" и "помощи влиятельных друзей". По мнению большинства опрошенных (57%), служба по контракту усиливает влияние правовых норм и делает жизнь военнослужащих более упорядоченной, контролируемой законом.

Данные нашего исследования свидетельствуют о высокой оценке курсантами высшего образования, включая военное. 35% курсантов расценивают высшее образование как важный механизм социальной мобильности, изменения наследственного социального статуса (36% - выходцы из семей рабочих, 21% - служащих, 9% - сельских жителей). Поэтому в их жизненных стратегиях придается большое значение социальному самодостоверению, получению диплома. 52,7% из них уверены, что сделали правильный выбор, хотя каждый третий еще не определился. В ориентации на образование доминирует престижность, возможность хорошей и интересной работы, не обязательно связанной с военной службой. Тем не менее, 62% считают учебу в военном вузе более перспективной, чем получение гражданской специальности. Они видят достоинства военного образования в глубоких профессиональных знаниях и опыте (21,3%), формировании дисциплины, точности мышления (18%). Респонденты полагают, что в процессе совмещения военной службы и образования личность получает такие нужные в гражданской жизни качества, как навыки командовать и подчиняться (49%), организованность (51%), хорошее физическое самочувствие (24%). Именно благодаря этим качествам при перемене профессии легче найти применение в рыночных структурах, заняться собственным бизнесом или реализовать себя в государственном управлении. Гораздо меньше оцениваются высокая теоретическая подготовка (7,3%) и креативность, гибкость мышления (14%). В современных условиях курсанты демонстрируют рационализацию жизненных стратегий (стабильная работа - 30%, увлеченность любимым делом - 32%).

Образование и профессиональные навыки обеспечивают хорошие условия для социального взросления молодых. 46% курсантов видят преимущества воинской службы в том, что она, пожалуй, больше, чем другие сферы деятельности, развивает личные качества человека. 18,6% респондентов полагают, что для успеха в первую очередь необходим профессионализм (замечательно, однако, что только 7% верят в его востребованность в российском обществе). Конкуренция социального капитала с профессионализмом (помощь родителей признают 16% опрошенных) показывает, что в жизненных стратегиях обнаруживается противоречие между декларированностью самостоятельного выбора и использованием "родительского ресурса". В.А. Ядов верно отметил, что молодежь рассматривает образование как ресурс конкурентоспособности [4, с. 315], но ресурсность образовательного статуса подвергается ограничению системой межличностных коммуникаций (знакомые, сослуживцы, преданность командиру) в продвижении по военной службе.

Хотелось бы подчеркнуть, что жизненные стратегии курсантов настроены на "прогнозируемые" ситуации, которые не превышали бы личностный адаптированный потенциал. Преодоление трудностей рассматривается обычно через воспроизводство рутинных сложностей военной службы (наряды, задержка жалования, частые переезды, неустроенность семейной жизни). Примечательно, что упорство (14%) и умение реагировать на ситуацию (17,6%) имеют более высокие позиции, чем счастливый слу-

чай, везение (4%) и помощь со стороны (7%). Стратегия роста предполагает планирование жизненного устройства, профессиональную идентификацию (67% опрошенных считают себя кадровыми военнослужащими), повышение престижности военной службы в обществе.

В сознании курсантов доминирует парадигма символического порядка: 59% респондентов отметили, что армия наиболее дисциплинированная, организованная часть общества, а военнослужащие - компетентная, законопослушная группа. Невозможность правового нигилизма определяется профессиональным кодексом военнослужащего (70%), приоритетом легитимных социокультурных норм достижений жизненных целей. 26,7% респондентов связывают последствия правонарушений с потерей самоуважения, в то время как страх перед наказанием испытывают 14,9% опрошенных. Правовой абсентеизм рассматривается как признак социального аутсайдерства, отсутствия нормальных социальных качеств.

И не удивительно, что настроенность на успехи в образовании, самообразовании и параллельном обучении гражданской специальности представляется респондентам оптимальными условиями социальной интеграции в противоположность девиантным и делинквентным поведенческим стратегиям. 52,7% курсантов сделали своим выбором профессиональную карьеру, достижение благополучия и обретение личного удовлетворения в военной службе. В то же время двойственность перспектив, необходимость возмещения профессионального выбора спортом, музыкой, общением с друзьями и знакомыми ощущают 14% опрошенных. Респонденты выражают также обеспокоенность низкими возможностями реализации жизненных стратегий, помехами на пути профессионального роста в связи с неопределенностью реформирования ВС, нестабильностью экономической ситуации в стране, социально-бытовой неустроенностью военнослужащих.

Курсанты, оценивающие личные качества как высокие (30,7%) и как средние (34,7%), находят причину негативных изменений в своей жизни, прежде всего, во внешнем влиянии, особенно в непоследовательной и неэффективной военной политике государства. Они недовольны существующим отношением к молодым офицерам: практикуемая система предоставления жилья после 10-15 лет пребывания на воинской службе ставит преграду на пути военно-профессиональной карьеры; поощрения за добросовестную службу слишком минимальны, чтобы быть мотивирующим фактором жизненных стратегий курсантов. Инновационность военно-профессиональной деятельности связана с институционализацией здоровых карьерных стремлений, упрощением условий для получения курсантами "второго" гражданского образования или перехода в родственные силовые структуры (ВВ, МЧС).

Респонденты выражали заинтересованность в социальной стабильности и обеспокоенность растущим социальным расслоением общества (41%). Они не желают быть оторванными от традиционных механизмов социальной защиты. Не отделяя себя, свою судьбу от взрослой когорты военнослужащих, молодые считают, что продвижение по службе для выпускников военных вузов затруднено безличностными критериями служебного соответствия, что военная служба находится под прессингом социальной бесперспективности. 62% опрошенных ощущают различие между учебой в военном институте и службой в войсках. Жизненные стратегии неизбежно корректируются адаптивными навыками вхождения в воинский коллектив в соответствии с социально-психологическим климатом, иерархической структурой должностных статусов, стилем командования подразделением.

Только 12% курсантов уверены в "бесконфликтном", беспрепятственном прохождении воинской службы. 84,7% респондентов согласны с утверждением, что современная молодежь лучше приспосабливается к условиям российской действительности, чем старшие поколения, но испытывает страх и неприятие перед сложностями военной службы. Трудность профессиональной адаптации для 46% находится в сфере личных ощущений, 26% испытывает тревогу по поводу молодежной безработицы, уменьшения шансов на получение образования, воспроизводства бедности. "Уверенность в

себе" (36%), личная инициатива (24%) являются теми ресурсами, которые стабилизируют социальное самочувствие курсантов. Казалось бы, инновационность в стратегиях выявляется отчетливо, но 36% опрошенных признают объективные независимые структурные ограничения, низкие статусные позиции военнослужащего. 45% отмечают "малые возможности самоопределения", что усиливает впечатление о декларированности достиженческих ориентаций, предпочтении рутинных, традиционных способов социального и карьерного роста. В настроениях курсантов отсутствует социальная вражда и зависть. В их представлениях ухудшение социальных позиций не сопровождается разделением общества на "своих" и "чужих" по критерию "бедности-богатства". Вероятно, все же высока уверенность в успешности избранной стратегии, что отмечается и у "актуалистов", и у неопределившихся.

В жизненных стратегиях конституирующую роль играет личный ресурс, личные качества индивида, способствующие социальной интеграции или блокирующие ее. Среди качеств, которые являются залогом жизненного успеха, 22,7% опрошенных отметили традиционную для военнослужащего решительность, 18,7% - практичность и деловитость. Решительность означает готовность к испытаниям военной службы и быстрое, адекватное реагирование на ситуацию, что необходимо в условиях перманентного риска. Предприимчивость, практичность определяют инновационный потенциал, гибкость сознания, что позитивно влияет на перемены профессий, но может затруднить вхождение в военный коллектив, воспроизводство стандартов воинской службы. Опрошенные демонстрируют уверенность в личном успехе, но значительное число не определившихся и "актуалистов" свидетельствует о "переносе" неопределенности в воинскую среду. Курсанты следуют стереотипным представлениям о личности военнослужащего, соглашаясь с зависимостью от случайности, неэффективности традиционных механизмов интеграции (воинская культура).

Судя по жизненным стратегиям курсантов, они могут быть разделены на три основные категории: приверженцы успешной профессиональной карьеры, "актуалисты", толерантные инновационцам, и неопределившиеся. Если у первых - сторонников стратегии "роста" - доминирует активная жизненная позиция, профессиональное самоутверждение, то "актуалисты" и неопределившиеся ориентированы на помощь родителей, везение, а в себе ценят предприимчивость и практичность. Их инновационный потенциал расходуется либо на вариативность в пределах одобряемого поведения, либо на использование приобретенных навыков военной службы для карьеры в гражданской сфере.

Ж.Т. Тощенко пишет: "Люди неосознанно, не по злому умыслу олицетворяют удивительнейший феномен - в одном и том же человеке уживаются противоположные, а иногда и взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения" [5, с. 55]. Противоречивость жизненных стратегий курсантов "естественна" с позиции социокультурной дифференциации российского общества, отсутствия интегративных социокультурных норм в деятельности социальных институтов. Профессионализм военной службы не может быть самоцелью, это средство решения стратегической задачи социального развития - обеспечение национальной безопасности России. Отмеченная в 1990-е годы тенденция индивидуализации, приоритета личных ориентиров в поведении военнослужащих означает переход к современной идентичности, "хабитуализации" прагматических, состязательных ценностей. Но профессионализация теряет свою социальную значимость, если военнослужащие придерживаются стратегии успеха любой ценой в ущерб профессиональному кодексу и эффективности военной службы. Вооруженные Силы нуждаются в профессионалах - патриотах, личностях с референтными профессиональными и гражданскими установками. Иначе общество будет воспринимать военнослужащих как группу давления, которая использует обеспокоенность по поводу потери безопасности страны в корыстных групповых интересах.

В целом, жизненные стратегии курсантов транзитивны и включают в себя мобилизационность, готовность к профессиональному росту, активному участию в реформировании военной службы. Достиженческая стратегия, стратегия профессионального

роста, вероятно, недостаточно эффективна в условиях нечеткости целей реформирования и расширении ситуации риска, который исходит не из специфики военной службы, а является следствием дезинтеграционных процессов в обществе. Инновационность, актуализация современных поведенческих стратегий предполагают согласование изменений социального макроуровня (трансформации института военной службы) и социального микромира курсантов. Перевод военного образования в режим специализации и диверсификации, а также большей согласованности с гражданскими образовательными стандартами обещает ощутимый практический эффект в ускорении указанных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петрова Л.Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социол. исслед. 2000. № 12.
2. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М., 2000.
3. *Смирнов А.И.* Проблемы перехода к комплектованию Российских Вооруженных Сил военнослужащими по контракту // Социология в России XIX - начале XX веков. Вып. 4. Тексты. М., 2002.
4. Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро, мезо и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001.
5. *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001.